

М. Продановича в контексті сербського постмодернізму // Компаративні дослідження слов'янських мов і літератур. – Спец. вип. – К., 2010. – С. 196–202; 3. Булгаков С. Православие. Очерки учения православной церкви [електронний ресурс] / С. Булгаков – К.: Либідь, 1991. – Режим доступа к кн.: http://ru.philosophy.kiev.ua/library/misc/bulgakov_prav.html; 4. Женетт Ж. Фигуры: в 2-х т. – Т. 2. – М.: Издательство Сабашниковых, 1988; 5. Меренік Л. Мілета Проданович – самосвідомість постмодерного митця у добу кризи // Украс: історія, культура, мистецтво. Українсько-сербський збірник. – 2008. – Вип. 1 (3). – С. 113–120; 6. Новейший философский словарь. Постмодернизм / Гл. ред. А.А. Грицанов. – Мн.: Современный литератор, 2007; 7. Проданович М. Сад у Венеції. Роман / Пер. із сербської Н. Білик // Всесвіт. – 2009. – № 5–6. – С. 3–105; 8. Розмова з Мілетою Продановичем // Украс: історія, культура, мистецтво. Українсько-сербський збірник. – 2008. – Вип. 1 (3). – С. 73–96; 9. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. – М.: Амограф, 1999; 10. Татаренко А. Поетика форми в прозі постмодернізму (досвід сербської літератури). – Львів: ПАІС, 2010; 11. Ямпольский М. Экспрессивность: между человеческим и машинным (неметафизическая антропология и кинематограф) [електронний ресурс] / М. Ямпольский // Новое литературное обозрение. – 2011. – №109. – Режим доступа к журн. : <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/109/ia4-pr.html>; 12. Božović G. Književnost je najbolji proizvod srpskog društva [електронски ресурс] // <http://www.plastelin.com/content/view/16/89/>; 13. Utišana ironija: Mileta Prodanović, o svom novom romanu "Vrt u Veneciji" [електронски ресурс] // <http://arhiva.glas-javnosti.rs/arhiva/2003/01/20/srpski/K03011904.shtml>.

Булаховська Ю.Л. (Київ, Україна)

О роли чтения произведений А.С.Пушкина, Ф.И.Тютчева и...

Мольера в мои детские годы (К проблеме читательской рецепции)

У статті Ю.Л.Булаховської «До проблеми читацької рецепції» йдеться конкретно про сприйняття авторкою цієї статті поетичних творів О.С.Пушкіна і Ф.І.Тютчева і п'єс Мольєра в її дитячі роки.

Ключові слова: поезія, рецепція, О.С.Пушкін, Ф.І.Тютчев, Мольєр.

В статтє Ю.Л.Булаховской: «К проблеме читательской рецепции» речь идёт конкретно о восприятии автором этой статьи, в её детские годы, поэтических произведений А.С.Пушкина, Ф.И.Тютчева и пьес Мольера.

Ключевые слова: поэзия, рецепция, А.С.Пушкин, Ф.И.Тютчев, Мольер.

The contents of this article is the perception by the authoress of this article in her child's years the poetical works of Russian writers: A.Pushkin and F.Tutchev and the plays of Moliere.

Key words: poetry, perception, the child's years, the writer.

Историки литературы, её теоретики и даже компаративисты всё чаще задумываются над проблемой читательского восприятия (читательской «рецепции», говоря сложнее) тех или иных писателей в разные эпохи и с различным читательским «резонансом». Тут, очевидно, играет немалую роль и некий конкретный повод, порождающий целый ряд литературно-культурных, а то и просто жизненных ассоциаций.

У меня такие ассоциации вызывает, например, ежегодная «французская весна», вообще отмечаемая на Украине, и, в частности, в самом Киеве, где я живу с 1944-го года. А из французской литературы как таковой, подобные мысли-ассоциации вызывает у меня только творчество Мольера, т.е. те его произведения, которые читал мне в мои детские довоенные (харьковские) годы мой отец, а именно: «Скупой», «Мещанин во дворянстве», «Проделки Скапена» - т.е. те произведения, которые больше всего волновали умы читателей и зрителей, как я потом убедилась в своём вузовском обучении, а также в своей последующей работе филолога-исследователя и вузовского преподавателя. Почему именно эти произведения? Да потому, что образы скупца, например, встречаются вообще довольно часто и в средневековой европейской литературе, в литературе 17-18-го веков и в литературе русской, скажем, образ Плюшкина у Н.В.Гоголя.

Жуликоватый слуга Скапен тоже фигурирует во всей западноевропейской литературе и в литературе украинской, например, Шельменко (об этом, в частности, свидетельствует и его фамилия) в пьесе Г.Ф.Квитки-Основьяненко «Шельменко-деньщик». Образ мещанина во дворянстве фигурирует и в знаменитой в своё время юмористической поэме И.П.Мятлева (1796-1844) «Сенсации и замечания мадам де Курдюковой» (ч. 1-3, 1840-1844), где с использованием приёмов «городского фольклора» и словесных «макаронических приёмов» (из запасов русской и французской лексики) с использованием сатирических приёмов Рабле и Мольера (они широко использованы и в «Енеїді» И.Котляревского) – высмеиваются претензии на аристократизм – по сути малограмотного провинциального русского и украинского дворянства.

Этим же интересна и русскоязычная повесть Г.Ф.Квитки-Основьяненко «Пан Халевский», стилизованная под «дурацкий» Дневник и воспоминания-впечатления некоего Трушка (Трохима) Халевского с его претензией на «философскую образованность» и собственное «авторитетное» мнение.

Обращаясь к Мольеру, хочу заметить, что именно Мольер, а не кто-нибудь другой, фигурирует в творчестве Михаила Булгакова.

Меня же всю мою «филологическую жизнь» сопровождал тоже

Мольер, хотя я с детства хорошо знала и «Отверженных» Виктора Гюго (прежде всего в образах Козетты и Гавроша), даже Гуинплена в «Человеке, который смеётся».

Знала я и французскую литературу 20-го века, так как моя мама Булаховская (Иванова) Татьяна Даниловна была специалистом по французской литературе – защищала кандидатскую диссертацию о прозе Луи Арагона.

Теперь – ещё два момента, связанных с Мольером.

О первом я уже писала, что Буало – ценитель лишь «высокого стиля» и «классицизма» в литературе, однако, выше всего из творчества своих французских современников ценил не Корнеля и Расина, а как раз комедиографа Мольера, считая его – гением, «чьи произведения переживут века». И он – не ошибся.

Современная авторитетная критика (т.е. 20-го и 21-го веков) отмечает, например, (как это делается в статье Л.А.Еремеева в 3-ем томе УЛБ, на странице 409), что Мольер в таких своих комедиях, как «Скупой» и «Мещанин во дворянстве» придал своим как будто бы чисто бытовым комедиям новаторские черты, создав новый жанр «высокой комедии», насыщенной острыми, реальными жизненными конфликтами. В театре Мольера был осуществлён синтез «народного» по своему характеру смеха и глубоких гуманистических идеалов.

В статье, посвящённой Мольеру, в авторитетном «Малом Иллюстрированном Ларуссе (Petit L'Arousse illustré)» справедливо подчеркнuto, что никто из его современников и его последователей не мог его превзойти в рельефности изображения характеров его персонажей. Поэтому многие из них стали персонажами «нарицательными», т.е. неповторимо типическими, при этом и индивидуально живыми – вплоть до реальности, а многие их слова стали изречениями типа пословиц и поговорок.

Знаменитый французский критик Сент-Бёв говорил: «каждый, кто умеет читать, не может не быть читателем Мольера».

Мольер был другом «строгого» Буало; «строгого» Расина; знаменитого баснописца Лафонтена и смог, благодаря своему таланту и энергии, получить право на выступления в театре весьма капризного и самоуверенного французского короля Людовика 14-го. Можно много говорить и о влиянии Мольера на европейских и русский писателей: А.П.Сумарокова, Д.И.Фонвизина, А.С.Грибоедова, И.А.Крылова.

Возвращаясь снова к «моему» Мольеру, замечу, что никогда не забуду такой эпизод из «моей биографии». 18-го сентября 1941-го года. Наша семья (мой отец, моя мать, и я – десятилетняя) с «легчайшим чемоданом» едем (под фашисткой бомбёжкой) на харьковский вокзал, чтобы оттуда

эвакуационным эшелонам ехать навсегда из Харькова. Я рыдаю, понимая, что навсегда покидаю и родной город, и прежнюю жизнь. В частности, я рыдаю не потому, что покидаю свою детскую комнату с рядами роскошных кукол; своего любимого бурого Мишку; ряды любимых книг в шкафу (на русском, украинском и иностранных языках), а потому, что мы не можем взять с собой: мою большую коробку с оловянными солдатиками (двух армий двух цветов) и ... многотомное розовое с золотом (брокгаузовское) издание Мольера.

Совсем другие впечатления детских лет у меня – от русской поэзии: Ф.И. Тютчева и А.С. Пушкина. Стихи Тютчева я слушала на деревянном двореком крыльце большого каменного дома моего деда по матери, - земского врача Д.М. Иванова, в городке Валки, на крыльце, ведущем из дома в широкий двор, а затем в огромный сад (за забором) в две десятины. Сейчас – весна: цветут вишни и начинают уже цвести яблони. Строки тютчевского стихотворения: «Люблю грозу в начале мая, когда весенний первый гром, как бы резвяся и играя, грохочет в Небе голубом ...», - я воспринимаю не умом, а сердцем. Я не совсем понимаю слова и словосочетания: «повисли перлы дождевые, а солнце нивы золотит».

Я только много позже пойму, почему о Тютчеве пишут, что он «поэт-философ» и непревзойдённый «мастер словесного пейзажа» (это говорил о нём Н.А. Некрасов); почему Тютчева так высоко ценил А.С. Пушкин, издав в журнале «Современник» целый цикл его стихов. Почему повторяли его строки о душевном состоянии человека, находившегося на грани «как бы двойного бытия»; почему Тютчев умел передавать в стихах «вечерний сумрак» и восхищался «морем ночным»; почему он как бы объединял «бури» в природе и «бури» в душе человека, а о любви умел говорить с нежностью и грустью: «О ты, последняя любовь, ты и блаженство, и безнадёжность».

Я только в молодые свои, но уже «научные годы», узнала концовку стихотворения «о грозе в начале мая»: узнала её из польского перевода Юлиана Тувима, которую не поняла бы ни в детстве, ни позже, если бы ни была знакома с античной мифологией: «И, мнится, ветренная Геба, кормя Зевесова орла, громокипящий кубок с Неба, смеясь, на Землю пролила».

Всё равно поэзия Тютчева осталась для меня навсегда – лишь «русским поэтическим словом», таким близким на весеннем закате, когда вокруг цветут вишни, начинают уже цвести яблони, и кругом царит аромат весеннего, главное, родного сада.

Критики, между прочим, всегда отмечали это в поэтическом слове Тютчева, большую часть жизни проводившего как раз за границей, на дипломатической государственной службе, свободно владевшего

французским и немецким языками и хорошо понимавшего итальянский и испанский языки, однако поэтические свои строки, - писавшего только по-русски и рисовавшего чаще всего именно «русские словесные пейзажи», подобно И.С. Тургеневу, жившему постоянно за границей, а писавшему свои литературные произведения лишь о России и о русских людях.

А вот некоторые стихи А.С.Пушкина я воспринимаю лишь только сквозь призму своих детских зимних впечатлений. Это стихотворение «Зимний вечер»: «Буря мглою Небо кроет, вихри снежные крутя, то, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя. То по кровле обветшалой вдруг соломою зашумит, То, как путник запоздалый, к нам в окошко застучит». ... И ещё другие строки – отсюда же: «Спой мне песню, как синица Тихо за морем жила; Спой мне песню, как Девица за водой по утру шла».

Чтобы понять моё читательское восприятие тех лет именно этого стихотворения, надо мне воссоздать обстановку его «слушанья».

Зимний ненастный вечер. Я сижу в кабинете моего отца, в нашей харьковской большой квартире. Сижу там, потому что мамы дома нет – она тогда работала вечерами (как певица) на Радио. У меня на коленях спит, похрапывая, маленький, месячный щенок-спаньель Фредди, закутанный мною в тёплый шерстяной платок, а на деревянной лестничке, возле высоких книжных папиных полок; куняет наш домашний ручной петушок Буй (он – инкубаторский, не знает мамы, считая меня, очевидно, и моих родителей, чем-то вроде мамы – курицы-наседки). Буй – белый с красным гребешком: похож, как две капли воды, на всех таких же инкубаторских цыплят. Буй очень хочет спать, но не переносит одиночества и дремлет тут, на лестничке, в обществе моего отца, меня и щенка Фредди.

Стихотворение Пушкина я воспринимаю очень живо, нет, не слова «Буря мглою Небо кроет», а вот слова: «вдруг соломою зашумит» - вполне живо и особенно несколько пугающие и интересные для меня слова: «То, как путник запоздалый, к нам в окошко застучит». А вдруг и к нам, в тихую квартиру большого дома, поздно вечером кто-то неожиданно постучит?; Кто-то неожиданный придёт в гости, будет пить у нас чай, потом у нас же ночевать в одной из наших «новых», полупустых комнат? А вдруг неожиданно рано вернётся домой мама? А вдруг придёт кто-нибудь из папиных студентов или же аспирантов-заочников и не будет ждать утра, чтобы «заявиться» к нему?

Меньше мне нравятся строки стихотворения Пушкина «Зимний вечер»: «О синице, тихо жившей за морем? Ведь синицы никуда не улетают: они ночуют даже в нашем зимнем городском дворе? Мало меня интересует и «девица, что за водой поутру шла?» Подумаешь, - невидаль!

Я больше люблю сказку Пушкина «О мёртвой царевне и о семи богатырях», ну, и, конечно же, его поэму-сказку «Руслан и Людмила»! У моего деда – земского врача в Валках такая роскошная библиотека и такие иллюстрации к этой поэме Пушкина!!!

Надо подумать вообще, какое значение имеет рецепция разных произведений даже больших поэтов в разную эпоху и в разной возрастной «рецепционности»?

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 10-ти т. – Т. 2: Стихотворения 1820-1826 годов. – М.-Л.: Из-во Академии наук СССР. – 1949. – С. 291-436;
2. *Тютчев Ф.И.* Большая Советская Энциклопедия / 2-е изд. – Т.43. – М.: 1962. – С.550-551;
3. *Єремєєв Л.А.* Мольєр // УЛЕ. – Т. 3. – К., 1972. – С. 409;
4. *Мокульський О.* Мольєр // Літературна Енциклопедія. – Т. 7. – М.: ОГИЗ, РСФСР, 1934. – С.423-444;
5. *Moliere Jean-Baptiste Poquelin // Petit Larousse illustré.* – Paris: Librairie Larousse, 1906. – S.1467.

Василишин М.Б. (Львів, Україна)

Сербська неореалістична проза 60-70-х років у контексті літератури тогочасної Югославії

У статті розглянуто місце неореалістичної прози в контексті літератури тогочасної Югославії, зіставлено творчі пошуки неореалістів із творчими експериментами хорватських «борхесівців», виявлено генеалогічні зв'язки з представниками попереднього періоду.

Ключові слова: *неореалізм, проза дійсності, М. Йосич Вишнич, Д.Михайлович, В.Стеванович, М.Савич, Ж.Павлович.*

В статтє рассмотрено место прозы неореализма в контексте литературы Югославии того времени, сопоставлены творческие поиски неореалистов с творческими экспериментами хорватских «борхесовцев», обнаружены генеалогические связи с представителями предыдущего периода.

Ключевые слова: *неореализм, проза действительности, М. Йосич Вишнич, Д.Михайлович, В.Стеванович, М.Савич, Ж.Павлович.*

In the article the place of neorealist prose is considered in the context of literature of that time Yugoslavia, the creative searches of neorealists are confronted with the creative experiments of Croatian Borjes', found out genealogical connections with the representatives of previous period.

Key words: *neorealism, reality prose, M.Yosych Vyshnych, D.Mykhajilovich, V.Stevanovich, M.Savych, Zh.Pavlovich.*

У 60–70-і рр. ХХ ст. в літературі Югославії входять нові ідеї і нові мистецькі цінності. Нова проза стала своєрідною реакцією на пануючу ідеологію, відмовою від домінуючих естетизму та формалізму і отримала